

МЭГГИ
РОБИНСОН

*В объятиях
наследницы*

РОМАН

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31 (73)
ББК 84(7Coe)-44
Р 58

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Maggie Robinson
IN THE ARMS OF THE HEIRESS

Перевод с английского Е. Ю. Елистратовой
Компьютерный дизайн Г. В. Смирновой

В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения издательства
Zebra Books an imprint of Kensington Publishing Corp.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Робинсон, Мэгги.

Р 58 В объятиях наследницы : роман / Мэгги Робинсон;
[пер. с англ. Е. Ю. Елистратовой]. — Москва : АСТ,
2015. — 320 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-083535-5

Наследница огромного состояния Луиза Стрэттон вынуждена представить своим родным мужа, о котором столько писала, — ценителя изящных искусств, идеального джентльмена...

Но есть маленькая проблема — никакого мужа не существует. В отчаянии Луиза хватается за соломинку и умоляет Чарлза Купера сыграть эту роль — для него, прошедшего через ад Англо-бурской войны, это просто невинный маскарад...

Однако Чарлз все сильнее влюбляется в свою «супругу» и намерен добиваться взаимности. Но если бы только это! Над ним нависла невидимая угроза, и есть все основания полагать, что в опасности не только Купер, но и его любимая...

УДК 821.111-31 (73)
ББК 84 (7Coe)-44

© Maggie Robinson, 2013
© Перевод. Е. Ю. Елистратова, 2014
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-083535-5

Глава 1

Ницца, Франция

Начало ноября 1903 года

«Дорогая тетя Грейс,

С тяжелым сердцем пишу вам, чтобы сообщить — мой возлюбленный супруг Максимилиан мертв...»

— Вы его убиваете?

Ее горничная, Кэтлин, отличалась в высшей степени неприятной привычкой подглядывать через плечо в тот момент, когда ожидаешь этого меньше всего.

— Разве бедняга вообще существовал? — ответила Луиза Стрэттон, промокая чернильную кляксу.

Кэтлин распахнула двери на террасу, навстречу Средиземному морю, и влажный прохладный ветерок чуть не сдул со стола письмо Луизы. Предполагалось, что на юге Франции должно быть теплее. Как бы не так!

— Ну и как же он в таком случае погиб?

— Пока не знаю. Лавина? Или крушение поезда? — В свободное от посещения музеев время Максимилиан мог бы заняться альпинизмом. В облегающем кожаном костюме, с посвежевшим загорелым лицом — еще бы, такая грандиозная вылазка в горы! Легкие морщинки вокруг

глаз цвета небесной лазури, ведь приходится щуриться на солнце — эти морщинки в уголке глаза расходятся веером, как молочно-белое кружево. Луиза могла бы разгладить их пальцем, когда он склонится над ней...

Кэтлин с шумом захлопнула дверь.

— И про то, и про другое написали бы в газетах.

— Вот черт. — Как же Луиза сразу не подумала.

— Действительно. Придется вам сочинить что-то менее сенсационное. Может быть, шумы в сердце? Или заражение крови после ранки на пальце.

Луиза просияла:

— Да! Он срезал для меня поздние розы в саду и укололся о шип. Пустяк, но это может быть очень опасно! Ты же знаешь, он баловал меня — каждый день свежие розы, в любое время года! Ему следовало надеть перчатки. У него были такие красивые руки! Длинные гладкие пальцы и никаких волос на костяшках. Эти пальцы могли вытворять что угодно! — Она озорно подмигнула Кэтлин.

Но Кэтлин фыркнула:

— Об этом не может быть и речи. Ничего не выйдет. В конце концов, Максимилиан Норвич вроде как человек известный. Вы его таким сделали. А вы знаете, что тетя всегда читает некрологи в газетах. Она удивится, почему вы не дали объявление.

— Я была сама не своя от горя. В полной протрации. Она думает, я и без того не в своем уме.

У Луизы почти на все был ответ. Если бы Максимилиан и впрямь существовал, она непременно выказала бы надлежащие чувства, потеряв любовь своей жизни. Неделями — а то и пару месяцев — не вставала бы со своей одинокой постели. Или несколько лет? Она бы превзошла саму покойную королеву, оплакивающую своего Альберта. Только оделась бы с большим вкусом.

Смятые носовые платки горой высились бы на нетронутых подносах с едой. Кэтлин бы махнула на нее рукой — пропащее дело! А Луиза просто отворачивалась бы к стене в приступе меланхолии. Смотрела бы, как рисунок на обоях расплывается перед ее глазами, источающими бес-

конечные слезы. Слушала бы зов сирен с моря за окнами, едва не уступая соблазну зашить камни в подол ночной рубашки да утопиться.

Разумеется, Кэтлин застала бы ее за этим занятием прежде, чем она успела бы исколоть в кровь пальцы. Швея из Луизы никудышная, несмотря на попытки тети Грейс сделать из нее леди. Доктора сошлись бы на консилиум — не исключено, что Кэтлин отправили бы в Вену, привезли бы самого доктора Фрейда!

— Если вы его убьете, вам придется ехать в Роузмонт в полном трауре. И — уж простите, что осмеливаюсь напоминать, — вы сами знаете, что черный делает вас бесцветной.

— Как будто я могу остановить твою болтовню. — «Осмеливаюсь!» Не то слово, чтобы описать язык Кэтлин. После пяти лет службы она сделалась скорее подругой Луизе, чем горничной. А целый год свободы, когда они делили на двоих приключения, от которых вставали дыбом не только волосы, но и юбки, сблизил девушек еще больше.

Но в последнее время Кэтлин начала дерзить в открытую. Луиза подозревала, что причиной тому был какой-нибудь никчемный кавалер. Как раз перед тем, как им сбежать на континент, новый шофер, шотландец по имени Робертсон, смотрел на Кэтлин телячьими глазами. Но потерять независимость ради нескольких минут неуклюжего совокупления? По мнению Луизы, люди сильно преувеличивают радости плотского соития.

— И ваша тетьа позаботится, чтобы запретить вас от общества, точно так, как уже однажды сделала, — продолжала Кэтлин, исполняя привычную роль голоса разума. — Целых два года траура. Никаких визитов. Никаких концертов или лекций. Сомневаюсь, что она отпустит вас в Лондон хотя бы на день, если вдруг разболится зуб. Вам станет скучно до слез. Да еще в черном, с головы до пят!

— Что правда, то правда. — Луиза прикусила кончик автоматической ручки от фирмы Конклина, перо с золотым покрытием и без того в ямках после предыдущих — неудачных — попыток сочинения письма. Какая досада,

что ей вообще пришлось выдумывать этого злосчастливого Максимилиана. Но тетя Грейс пришла в ужас, когда Луиза отправилась в автомобильный тур через весь континент в обществе одной лишь Кэтлин. Тетушка забрасывала путешественниц телеграммами и письмами — с каждой оказией, до востребования, недвусмысленно намекая на ужасные подробности того, что может ожидать двух невинных девиц в этой порочной Европе.

Вряд ли Луиза была такой уж невинной, и Грейс отлично это знала. Однако теперь племянница в отъезде, вне досягаемости Грейс. Письма вмиг прекратились, стоило Луизе сообщить семье, что в Лувре, возле особенно мрачной и маловразумительной картины Рембрандта, она познакомилась с великолепным Максимилианом Норвичем и затем, после стремительного романа, вышла за него замуж.

Потом, однако, письма возобновились, чтобы принести сдержанные поздравления и требование — Луиза должна вернуться домой и представить своего мужа родным.

Раньше Роузмонт не казался Луизе домом. Однако после блаженного года приключений и свободы она решила, что, вероятно, время вернуться все-таки наступило. Кэтлин пребывала в мрачности. Поездка зимой в открытой машине грозила обоим обморожением рук или ног. К тому же недавно у Луизы возникло осложнение с банком, и его следовало уладить. И если верить письмам ее гадкого кузена Хью и самого доктора Фентресса, именно тете Грейс предстояло вскоре отдать концы. Впрочем, Луиза в это не очень верила.

Грейс была слишком язвительной и непреклонной особой, чтобы умереть. После смерти родителей Луиза прожила с нею двадцать один год, и за это время у тетки даже голова ни разу не болела. С тех пор как Луизе исполнилось четыре, опекунша сурово бранила ее за каждый, даже самый незначительный, промах. И вот теперь ее большой — и неизбежный — проступок имел просто-таки ужасные последствия.

Что ж, возможно, черти наконец затребовали Грейс к себе.

— Кэтлин, а что предлагаешь ты? Неужели мне следует открыть правду?

Горничная приподняла рыжеватую бровь.

— Вам? Открыть правду? Я сейчас упаду в обморок.

— Ты никогда не падаешь в обморок. Ты — единственная женщина, кто может сохранить голову на плечах, какой бы кризис на нее ни обрушился. Не считая меня, конечно.

Возможно, Кэтлин и не приняла комплимент на свой счет, но ей достало здравого смысла промолчать. Под давлением обстоятельств Луиза вынуждена была признать, что последние несколько месяцев принесли ей куда больше неприятностей, чем следовало бы по справедливости. Было бы неплохо обзавестись мужем или двумя. Пусть бы помогли ей выбраться! Притом что выходить замуж она не планировала. Да зачем? Она — наследница, девушка независимая и ничем не связанная. Не нужен ей муж, который тут же начнет ею помыкать! С нее достаточно правил — натерпелась за двадцать с лишним лет, пока воспитывалась в Роузмонте, будто монахиня, запертая в стенах монастыря.

Конечно, Роузмонт — роскошное место, не чета монастырю, а уж за время путешествия Луиза на монастыри насмотрелась. Тысяча акров парка, изобилующего всяческой живностью, пятьдесят сверкающих позолотой комнат. Для нетитулованного джентльмена — прямо как мистер Дарси! — отец Луизы был исключительно богат, да еще и женился очень выгодно. Ее американская маменька могла похвастать еще большим богатством. К несчастью, и отец, и мать погибли во время кораблекрушения, когда Луиза была совсем маленькой. Если бы не их портреты, что висели в Длинной галерее, она могла бы вообще забыть, как они выглядели.

— Когда-нибудь нам придется вернуться домой, — сказала Кэтлин. — Неужели вы не скучаете по Роузмонту?

Нет, Луиза не скучала. Там были Грейс и Хью, да еще несколько прочих нахлебников. И избавиться от них у Луизы как-то не выходило. После гибели родителей Луизы тетя Грейс вернулась под кров предков в качестве ее опе-

кунши. А остальные просто взяли и поселились в доме. Когда в прошлом году Луиза вступила в права наследства, оказалось, что ей проще сбежать, чем скрестить шпаги с тетей Грейс и попытаться выставить их всех вон.

Луизе не хотелось думать, что она струсила. Она непременно вернется домой и вступит с ними в бой. По крайней мере с некоторыми из них. Она ничего не имела против двоюродной сестры матери, Изобел, которая порхала по коридорам дома. В конце семидесятых годов она и ее мать вместе явились в Англию, чтобы найти мужей. Но удача улыбнулась только маме.

Если можно назвать удачей ее гибель в воде, после каких-то пяти лет брака.

Луизе тоже нужна удача. Она подкупит Грейс и Хью — сколько бы денег для этого ни потребовалось, — как только будет улажено ее затруднение с банковским счетом. И для этого ей нужно, чтобы рядом кто-то был. Помощник. Красивый, опытный светский мужчина, который вскружил ей голову в Лувре и закружил в водовороте сладостной, грешной любви и изощренных ласк, которые дарил своими длинными гладкими пальцами — по крайней мере в ее жарких снах. Максимилиан Норвич придет с ней в Роузмонт, даже если ей придется действовать подкупом.

Луиза порвала письмо к тетке на мелкие клочки.

— Кэтлин, как называется то агентство, с помощью которого в прошлом году твой брат искал работу? Что-то «Вечернее»...

— «Вечерня», мисс Луиза. Агентство «Ивенсонг». На Маунт-стрит. Его хозяйка просто чудеса творит. Кстати, это она прислала в Роузмонт того нового шофера. А почему вы спрашиваете? Вы же не собираетесь уволить меня, правда?

— Нет, конечно. — Луиза не знала, что бы стала делать без Кэтлин, при том даже, что в последнее время та брюзжала слишком часто.

— Что ж, очень рада слышать. Хотите, чтобы я перетянула вам грудь для нашей сегодняшней вылазки и нагладила брюки, или поедете в корсете и дорожном платье?

— Наверное, брюки. Сегодня чертовски холодно, — ответила Луиза, протягивая руку за новым листом почтовой бумаги, которой гостиница в изобилии снабжала своих постояльцев.

Глава 2

Первое декабря 1903 года, вторник

Миссис Мэри Ивенсонг жалела, что не может задержать дыхание бесконечно. Увы, нужно же ей было дышать! Тогда она выудила из кошелька надушенный носовой платок и поднесла к лицу. Непревзойденный аромат «Бленхеймского букета» — лимон, лайм и лаванда. Три восхитительных слагаемых. Новые духи фирмы «Пенхалигон» сразу же сделались ее любимыми, даром что предназначены были джентльменам. В тот же самый миг, как она остановилась возле магазина на Джермин-стрит, просто для того, чтобы как следует ими надышаться!

Гора рваных одеял на пружинном диване пошевелилась, и Мэри прищурила глаза за дымчатыми очками. Капитан Купер был слишком долговяз, чтобы спать на такой короткой кушетке. Похоже, он не мылся и не менял одежду уже несколько дней, и повязка, которую он носил на глазу, съехала куда-то на короткий прямой нос. Темные волосы грубо острижены, но лицо могло бы показаться выбритым лишь в том случае, если бы он удосужился провес-ти по нему бритвой хотя бы день назад.

Это к лучшему, думала Мэри. Решительно, Лондон кишит небритыми господами. Моду на бороды она не понимала, но считала, что слишком многим мужчинам она к лицу — в самый раз, чтобы скрыть безвольный или двойной подбородок. Однако как же неприятно, когда целуешь джентльмена, и усы набиваются в рот — впрочем, в последнее время такая возможность не выдалась ей ни разу.

В комнате витали отчетливые запахи дешевого джина и мужского пота. Ей снова пришлось прибегнуть к помощи носового платка.

— Капитан Купер, — сумела выдать из себя бедная дама, обманув собственный нос — пусть думает о цитрусосых и жарком солнце Испании! — Просыпайтесь.

— Не хочу.

Что ж, это оказалось куда легче, чем она предполагала. Ей была невыносима мысль, что придется ткнуть в него зонтиком.

— Я — миссис Ивенсонг, хозяйка агентства «Ивенсонг», и у меня к вам предложение, сэр. Мистер Джордж Александер довел до моего сведения, что не так давно вы оставили военную службу и вам нужна работа.

— Нет. — Не открывая глаз, капитан Купер по-прежнему лежал на кушетке.

— Уверяю, я сама с ним говорила. — Они беседовали не только о трудоустройстве капитана Купера. Мистер Александер был деловым человеком самых разнообразных интересов и сумел заинтересовать миссис Ивенсонг возможностью денежных вложений. Она собиралась обдумать эту возможность с присущей ей тщательностью.

Купер вздохнул:

— Мне все равно, кто вы и с кем говорили. Мне не нужны подачки от Джорджа. Он сделал достаточно.

— Речь не о подачке, а об оплачиваемой работе. И мистер Александер тут ни при чем, просто он назвал мне ваше имя. — Миссис Ивенсонг не собиралась сообщать капитану, что это ей заплатят — и промышленник, и мисс Луиза Стрэттон — в случае подписания этого контракта. Зачем вдаваться в подробности? Тем более подробности эти часто менялись в каждом новом случае. Она бы не преуспела, если бы не умела проявлять гибкость — как в профессиональной, так и в частной жизни.

— Одна молодая леди хочет нанять вас для оказания неких услуг. И дело стоит того, чтобы подняться с этого грязного дивана и добраться до ближайшего умывальника.

Приподнявшись на локте, Чарлз Купер дрожащей рукой водрузил повязку поверх незрячего голубого глаза. Мэри читала отчеты и видела рекомендации; она достаточно говорила с его начальством и школьными учителя-

ми, чтобы составить свое мнение о джентльмене, который, несмотря на исключительные похвалы, сейчас выглядел отнюдь не героем, а неграмотным бродягой. Боже правый, вид у него был такой, будто без новой порции выпивки ему не начать сегодняшний день! И ей не хотелось стать свидетельницей того, как он губит свою жизнь.

— Молодая леди, вот как? Надеюсь, вы не себя имеете в виду.

Мэри застыла от негодования, глубже надвигая на лоб изящную шляпку черного бархата.

— Вы меня интригуете, миссис Ивенсонг. У меня не было бабы с тех пор, как я вернулся домой из Южной Африки. И где же она? Я готов, со всем моим удовольствием.

— Если вы думаете, что сумеете прогнать меня своей грубостью, значит, ничего не знаете об агентстве «Ивенсонг», — не моргнув глазом ответила Мэри. — Я всегда довожу дело до конца. А вы, сэр, как раз такое дело.

— Меня поздно спасать, миссис Ивенсонг. Сделайте одолжение нам обоим — выметайтесь.

Голос у него был усталый, а вид и того хуже. Мэри сбросила на пол грязную рубашку с единственного стула, что был в комнате, и села.

— Я не приглашал вас садиться, леди.

— Нет, не приглашали, и с вашей грубостью придется повоевать, прежде чем вы предстанете перед моей клиенткой. У нее высокие требования. Вы учились в частной школе. Бывший офицер. Уверена, вы не забыли, как разговаривать и вести себя с леди. — Мэри чинно сложила на коленях руки в перчатках.

— Я уже говорил, что в последнее время не имею ничего общего с леди. Вашей клиентке надоело деликатное обращение? Не могу представить, зачем еще ей понадобился сын старшего мастера с фабрики.

— Капитан Купер, моя клиентка — умная молодая женщина, которой обязательно знать о ранних годах вашей жизни. Хотя, если бы ей вздумалось навести справки, не думаю, чтобы она была особенно шокирована. Она... весьма демократична.

— Социалистка, что ли?

— Не слышала, чтобы она интересовалась политикой. Если только вопросом о правах женщин...

Купер скорчил гримасу:

— О, избавьте меня от чертовых суфражисток. Не знаю, чего она хочет, но я для нее не гожусь, миссис Ивенсонг! Не смогу возить ее на сборища этой миссис Панкхерст или на скачки — я ведь наполовину слеп, не забыли?

— Мисс Ст... то есть молодая леди, водит машину сама. — Мэри также ознакомилась с полицейскими донесениями из нескольких европейских стран, в которых во всех подробностях были описаны водительские навыки Луизы Стрэттон. Они... оставляли желать лучшего. Что нужно этой молодой леди, так это хороший шофер. И Мэри знала, что в Роузмонте такой найдется. Молодой, надежный шотландец, которого она сама туда отправила.

— Она водит машину? Хорошо. Полагаю, вам лучше поспешить и поведать мне, что же ей нужно, пока у моей квартирной хозяйки не возникли подозрения, зачем мне вздумалось развлекать тут престарелую воблу вроде вас.

Мэри Ивенсонг надеялась, что ее седой парик сидит на месте. Да что ему сделается? Она всегда продумывала каждую деталь своей наружности, чтобы люди видели именно то, что хотели видеть.

— Ничего такого ваша хозяйка не подумает. Ей щедро заплатили, чтобы она впустила меня сюда. Между прочим, стоит ей увидеть, во что вы превратили ее комнату, как она потребует, чтобы вы немедленно собрали пожитки и при первой же возможности освободили помещение.

Она немного лукавила, но Чарлзу Куперу нет нужды это знать. Просто еще один побудительный мотив, чтобы согласиться с ее планом.

У нее всегда был основной план и несколько запасных, на случай, если обстоятельства сложатся неблагоприятно. Теперь Мэри была почти уверена, что всецело завладела вниманием капитана Купера. Он уставился на нее единственным налитым кровью голубым глазом.

— Дальше, — рявкнул он. Наверное, таким тоном капитан отдавал приказы своим солдатам в Трансваале.

— Право же, дело простое. Моей клиентке нужен образованный джентльмен приятной наружности, чтобы во время рождественских праздников представить его в качестве мужа в одном из богатейших загородных домов Англии. Роузмонт, в графстве Кент. Приходилось слышать о нем? В декабре тысяча девятисотого «Иллюстрированный журнал» посвятил этому дому большую статью.

— Боюсь, миссис Ивенсонг, в то время меня не было в Англии, чтобы читать журналы о здешней светской жизни, — сухо заметил капитан.

— Разумеется. Я знаю, что вы с честью служили в Африке. Я просто упомянула об этом, потому что имение великолепно. Это большая привилегия — целый месяц называть его своим домом.

— Пока смерть не разлучит нас или всего на тридцать дней? Зачем леди понадобился фальшивый муж?

— У нее некоторые трения с семьей. Ей показалось, это будет умно — выдумать себе мужа. — В душе Мэри думала, что Луиза Стрэттон слишком сумасбродна, чтобы ей угодить. Но разве можно переделать прошлое? Только в том случае, если ты очень умна. А Мэри была умна! За последние годы она спасла нескольких молодых леди от последствий собственных необдуманных действий, да так, что комар носа не подточит!

Купер почесал щетину на подбородке.

— Сколько?

— Прошу прощения?

— Какова плата? У меня тоже есть семья.

Это Мэри Ивенсонг было тоже известно. Два старших брата, их жены и многочисленные отпрыски, по большей части работающие на одной из гончарных фабрик Джорджа Александра. Вероятно, Куперу было суждено работать там же, бок о бок с родственниками, если бы мистер Александр не извлек его оттуда и не отправил бы в школу. Джордж Александр разглядел в юном Чарли Купере некие задатки, и сейчас миссис Ивенсонг шурила глаза, пытаясь

сделать то же самое. Мистер Александер — джентльмен проницательный, умеющий запустить палец сразу в несколько бочек меда, и с таким состоянием — отнюдь не кот наплакал!

Она назвала вслух сумму, которую обговорила с мисс Стрэттон. Лицо капитана Купера приобрело цвет выгоревшей рубашки, что валялась на полу.

— За месяц? Вы серьезно?

Ага! Вот что заставило его вскочить в крайнем волнении и начать мерить комнату шагами. Должно быть, он был очень хорош собой, когда маршировал в офицерской форме! Какая жалость, что Максимилиан Норвич был знатоком упаднического искусства, а не военным!

— Абсолютно. Агентство «Ивенсонг» ведет дела с тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года, и с тех пор мы ни разу не нарушили данного обещания, — ответила Мэри, приврав разве что самую малость. — Для вас также будет припасен соответствующий гардероб. В такой дом, как Роузмонт, нельзя являться в целлулоидном воротничке. — Сунув руку в сумочку, она извлекла карточку одного неболтливого портного и вручила ее капитану, когда он подошел к ней, шаркая ногами. В том, что касалось качества, мистер Смайти мог дать фору любому галантерейщику с Джермин-стрит, причем за половину обычной цены. — Вам назначено на полдень. Я вас провожу. А еще я должна взять с вас обещание. Вы перестанете пить. Максимилиан Норвич дешевый джин в рот не возьмет.

— Кто-о?

— Разве я не сказала, что так зовут воображаемого супруга моей клиентки? Вам придется отзываться на это имя.

Загорелое, обветренное лицо Чарлза Купера исказила ухмылка. Для человека низшего сословия у него были на удивление хорошие зубы.

— Миссис Ивенсонг, за те денежки, какие ваша дура-клиентка собирается мне отвалить, я готов отзываться хоть на собачью кличку. Значит, Макс.

Вероятно, мисс Стрэттон стала бы настаивать на Максимилиане — но Мэри не хотела испытывать удачу. В бли-

жайшие несколько дней дел у них будет по горло, а развешившийся Чарлз Купер нравился ей куда больше, чем тот мрачный человек, которого она увидела, когда сюда вошла.

Может быть, стоит помочь ему собрать пожитки и предложить свободную комнату на Маунт-стрит? Она и ее прислуга смогут проследить, чтобы он явился завтра на условленную встречу в трезвом состоянии. Кстати, ему, похоже, нужно как следует поесть, а у Мэри — одна из лучших кухарок в Лондоне, даром что та провела годы, зарабатывая на жизнь проституцией.

Она сделала второе предложение за это утро. Капитан Купер возражать не стал. Да, девиз агентства — «Исполним невозможное еще до завтрака, с тысяча восемьсот восемьдесят восьмого» — в который раз начинал себя оправдывать.

Глава 3

Второе декабря 1903 года, среда

Они все сошли с ума, если говорят о нем так, будто он и не слышит. У него травмирован глаз, а не уши. Чарлзу до смерти надоело терпеть тычки и булавки маленького лысого мистера Смайта и его помощников, которые облепили его и битый час ползали по нему, точно муравьи во время пикника.

— Послушайте, разве мы не закончили?

Выговор у него был прекрасный — настоящий выпускник Харроу, если не лукавить с самим собой. Никто бы не заподозрил, что он вырос в рабочем поселке Джорджа Александра. Джордж был щедрым хозяином, человеком большой души. Кое-кто мог бы даже сказать, что он выкрал юного Чарли из семьи и воспитал его цивилизованным человеком. Значит, Чарлз, почитай, обязан ему жизнью.

Что ж, его жизнь немногого стоит. Джордж заключил невыгодную сделку.

— Почти, капитан Купер. Вы проявили исключительное терпение, — ответил портной.